

Политика должна быть не более и не менее как прикладной историей. Теперь она не более как отрицание истории и не менее как ее искажение.

*В. О. Ключевский.
Афоризмы и мысли об истории¹*

ВВЕДЕНИЕ

Прежде всего коснемся замысла исследования. Настоящая книга посвящена правовой реформе начала XX в. Она была направлена на осуществление религиозной свободы первоначально в форме свободы вероисповедания, а затем и свободы совести. В книге впервые привлечен, обобщен и оценен массив нормативных правовых актов о веротерпимости и свободе совести, изданных в дооктябрьский период царским и Временным правительствами, а также законопроектов и предложений, исходящих от исполнительной и представительной властей, не получивших силу закона, но внесших существенный вклад в разработку проблемы.

В книге охарактеризован правовой статус религиозных объединений Российской империи, выявлены особенности организации управления вероисповеданиями, положения духовенства, состояния брачно-семейных отношений. Осуществлен анализ предпосылок, условий, методологии выработки государственными органами вероисповедного законодательства, выявлено влияние на него зарубежной юридической мысли и позитивного права стран Западной Европы.

Существенное место в книге занимает изучение состояния политико-правовой и в более широком смысле общественной мысли дореволюционной России в сфере свободы совести и вероисповедания, позволяющее судить об уровне теоретической разработки данных вопросов. Изучены воззрения на вопросы реформирования вероисповедного права представителей светской и церковной властей (Николая II, К. П. Победоносцева, С. Ю. Витте, П. А. Столыпина, митрополита Антония (Вадковского), архиепископа Евлогия (Георгиевского), известных общественных и религиозных деятелей, про-

¹ *Ключевский В. О. Афоризмы и мысли об истории // Собр. соч. Т. IX. М., 1990. С. 366.*

ясняющие внутренние пружины и динамику проведения реформы вероисповедного законодательства.

В книге выявлены основные концепции государственно-конфессиональных отношений и их реформирования, разработанные влиятельными политическими партиями страны, представлявшими консервативное, либеральное и радикальное направления общественного движения, оценены перспективы и сложности их осуществления в условиях полиэтнического и поликонфессионального государства.

Комплексно, с использованием возможностей сравнительно-исторического и сравнительно-правового методов, исследовано нормотворчество исполнительных (Министерство внутренних дел, Совет министров) органов власти и представительных (Государственная дума и Государственный совет) по вопросу осуществления свободы совести в России. Рассмотрено влияние нормативных актов, устанавливавших свободу вероисповедания и свободу совести, на состояние вероисповедного права России и на положение отдельных религиозных объединений в частности.

Изучение в фокусе поставленных задач периода начала XX в. видится нам крайне важным. Тогда была осуществлена радикальная реформа государственно-конфессиональных отношений. Она проводилась с учетом сложной полиэтнической и поликонфессиональной структуры российского государства. Опыт деятельности царского правительства по модернизации вероисповедного законодательства, приведению его в соответствие с принципами конституционного государства и европейскими стандартами обеспечения религиозной свободы с одной стороны, а с другой — с российскими традициями духовной жизни, национальной и конфессиональной политики представляет значительный научный и практический интерес.

Принципы, на которых строятся государственно-конфессиональные отношения, являются одной из объективных характеристик существующего в государстве политического режима. В связи с этим исследование процессов разработки и реализации вероисповедного законодательства не только позволяет выявить динамику развития отечественного права и правосознания населения, но и в широком контексте помогает прояснить конфессиональные факторы и характеристики кризиса российского самодержавия в начале XX в.

Осуществляемый в настоящей монографии анализ реформы правового положения религиозных объединений в начале XX в. представляется важным для современных общественных наук. Создавая теоретические конструкции гражданского общества, они заинтересованы в рассмотрении не только его классических моделей, но и схем, отличных от традиционного западного образца. Производимая в изучаемое время различными политическими силами выработка право-

вых рецептов регулирования деятельности религиозных объединений, находившихся на разных «этажах» иерархии вероисповеданий, рельефно отобразила сложности и диспропорции положения гражданских институтов в условиях сохранения самодержавия и неразвитости структур гражданского общества.

Поставленная проблема видится нам актуальной не только в научном плане, но и с точки зрения состояния государственно-конфессиональных отношений в современной России, начиная с периода перестройки. Политические процессы, происходившие в СССР во второй половине 1980-х гг., способствовали возрождению религиозной жизни на постсоветском пространстве. За период с 1990 по 2000 г. количество зарегистрированных религиозных организаций увеличилось в 4 раза, превысив 17 тыс.¹ Данная тенденция сохранилась и в последующем: на 1 июня 2005 г. в Российской Федерации насчитывалось 21 800 зарегистрированных религиозных организаций, принадлежащих к 68 религиозным течениям². По данным на начало 2010 г. их было зарегистрировано немногим менее 23,5 тыс., к 1 июля 2015 г. их насчитывалось уже почти 27,5 тыс.; из них 16 тыс. принадлежат к Русской православной церкви, 5 тыс. — к исламу³. Более разнообразным становится спектр религиозных организаций: наряду с религиозными общинами появилось значительное число религиозных центров, монастырей, духовных образовательных учреждений, миссий, братств и др.

В Конституции 1993 г. Россия объявлена светским государством, в котором никакая религия не может считаться государственной либо обязательной. Между тем религия играет важную роль в жизни современного российского общества, и ее значение возрастает. С 1 апреля 2010 г. в российских школах преподаются в качестве учебного курса основы религиозной культуры и светской этики, а в ряде государственных вузов в качестве отдельной специальности введена теология. В штатном расписании вооруженных сил появилась должность военного священника (капеллана). Целый ряд государственных учреждений, министерств и ведомств имеет свои храмы, при многих учреждениях существуют общественные советы по освещению религиозной тематики. Видный конституционалист М.А. Краснов утверждает, что этические принципы христианской веры могут стать направлением государственного строительства, они способствуют привитию современному человеку ценностей свободы и индивиду-

¹ См.: Законодательство о свободе совести и правоприменительная практика в сфере его действия: материалы семинаров, ноябрь — декабрь 2000 г. / под ред. А. В. Пчелинцева, Т. В. Томаевой. М., 2001. С. 6.

² См.: Религиозные объединения. Свобода совести и вероисповедания. Религиоведческая экспертиза / сост. и общ. ред. А. В. Пчелинцева, В. В. Ряховского. М., 2006. С. 3.

³ См.: Интерфакс-Религия. URL: <http://www.interfax-religion.ru>

альной ответственности, служат питательной средой для концептуального обоснования прав человека¹.

Упрочиваются контакты Русской православной церкви (РПЦ) с другими церквями. Памятно происходящее на протяжении 2003–2007 гг. восстановление канонического общения между Православной церковью в России, находящейся под управлением Московского патриархата, и Русской православной церковью за границей (РПЦЗ), разрыв между которыми продолжался более 80 лет. Это историческое для жизни РПЦ событие завершилось вступлением в силу в мае 2007 г. Акта о каноническом общении обеих церквей. В последние годы развиваются отношения РПЦ с Римско-католической церковью. 12 февраля 2016 г. в аэропорту Гаваны состоялась первая в истории личная встреча Патриарха Московского и всея Руси Кирилла и Папы Римского Франциска, в ходе которой была подписана декларация о консолидации усилий в деле защиты гонимых христиан Ближнего Востока и Африки.

Происходящее в последние десятилетия возрастание религиозного многообразия постсоветской России² диктует необходимость выработки научно обоснованной концепции государственно-конфессиональных отношений. Отношения государства и религиозных организаций в постсоветской России формировались во многом стихийно в обстановке романтического упоения демократизацией в религиозной сфере. О необходимости формулирования научных и в особенности непротиворечивых правовых оснований для государственно-конфессионального диалога ведется речь на научных форумах, в работах современных теоретиков-религиоведов³, на стра-

¹ См.: *Краснов М. А.* Христианская парадигма развития государства // Государство, Церковь, право: конституционно-правовые и богословские проблемы: материалы VII международной научной конференции, посвященной 500-летию со дня преставления преподобного Иосифа Волоцкого. М., 2015. С. 380–396; *Он же.* Христианство и права человека: компендиум. М.: Берлин, 2015.

² Именно такую терминологию использует применительно к современной религиозной жизни религиовед и руководитель проекта «Энциклопедия современной религиозной жизни России» С. Б. Филатов. См.: *Филатов С. Б.* Многоцветие волшебного сада российской духовности: двадцать лет возрастания религиозного многообразия постсоветской России // Двадцать лет религиозной свободы в России / под ред. А. Малашенко, С. Филатова. М., 2009. С. 8.

³ См.: *Мчедлов М. П.* Особенности конфессиональной социальной доктрины (к принятию «Основ социальной концепции РПЦ») // Законодательство о свободе совести и правоприменительная практика в сфере его действия. С. 47–59; *Одинцов М. И.* Вероисповедные реформы в России. 1985–1997 // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Вып. 3. М., 2006. С. 47–90; *Залужный А. Г.* Право. Религия. Закон. М., 2008. С. 91–121; *Пчелинцев А. В.* Актуальные проблемы свободы вероисповедания и деятельности религиозных объединений // Двадцать лет религиозной свободы в России. С. 70–71; *Бурьянов С. А.* Проблемы реализации свободы совести и светского государства в Российской Федерации. М., 2013.

ницах специализированного научного журнала «Религия и право», учрежденного негосударственной некоммерческой организацией «Институт религии и права». Выработка модели государственно-конфессиональных отношений в России является приоритетным научным направлением, в рамках которого работают ученые-религиоведы Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ряда иных учреждений. Для решения этой задачи большое значение имеет подготовка группой российских и английских ученых многотомных научных изданий «Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания» (М., 2003–2005) и «Атлас современной религиозной жизни России» (М.; СПб., 2005–2007), содержащих информационно-аналитическое описание религиозной ситуации в 78 субъектах РФ. Разработка теоретической модели государственно-конфессиональных отношений не может состояться без учета исторических традиций реформирования религиозной сферы в дореволюционной России и функционирования религиозных институтов.

Итак, дореволюционный опыт правовой регламентации религиозных объединений должен быть учтен при формировании современной государственной политики по отношению к религиозным объединениям. Он способен стать подспорьем для современных государственных деятелей в выработке «общего языка» взаимоотношений с церковной общественностью, позволяющего адекватно реагировать на вызовы модернизационного процесса и содействовать укреплению в России принципов уважения и соблюдения прав религиозных объединений, учета этнорелигиозной идентичности, религиозных традиций и состояния религиозных институтов.

Ключевые понятия и методологические подходы

В современных научных исследованиях отношения государства и религиозных объединений обозначаются различными терминами. Наиболее распространенными являются: государственно-церковные отношения, государственно-конфессиональные отношения, государственно-религиозные отношения, а также отношения государства и религиозных организаций (либо объединений).

Термин «государственно-церковные отношения» нередко используется в официальных документах. Между тем он является некорректным по отношению к религиозным объединениям иудеев, мусульман, буддистов и последователей иных религий, в вероучениях которых отсутствует понятие «Церковь». Да и сам термин «Церковь» трактуется различно: как религиозный институт, либо же как синоним религиозной организации, либо же как организованная религия или конфессия.

Понятие «государственно-религиозные отношения» также, по нашему мнению, не вполне адекватно передает существо вопроса, поскольку государство вступает в отношения не с религией как с мировоззрением, учением, а с религиозными объединениями, организованными обществами верующих людей. Наиболее корректным понятием нам видится словосочетание «государственно-конфессиональные отношения». Пожалуй, единственным его недостатком может выступать то обстоятельство, что термин «конфессия» не определен в законодательстве и может трактоваться как «вероучение», «вероисповедание» или же как совокупность религиозных объединений одного вероучения¹.

Долгое время понятие «государственно-церковные отношения» превалировало в научных исследованиях. Оно было введено в научный оборот М. И. Одинцовым. В 1996 г. Одинцов употребил термин «модель государственно-церковных отношений»². Поскольку наша монография нацелена на рассмотрение правотворческой и правоприменительной деятельности российской власти, имевшей целью выработку новой модели государственно-конфессиональных отношений, разберем последнее понятие. Оно обладает, на наш взгляд, эвристическим потенциалом для исследования вероисповедной системы России в изучаемый период. Данное понятие включает в себя устойчивую сумму качеств и характеристик политики государства по отношению к религиозным объединениям, которая, наряду с установлением их правового статуса, затрагивает широкий спектр вопросов, характеризующих совокупность исторически складывающихся и изменяющихся форм взаимосвязей между институтами государства и религиозными образованиями, представлений о месте и роли религии в жизни общества.

Целесообразно, по нашему мнению, выделить в рамках указанной модели несколько аспектов. Первый аспект — теоретико-идеологическая основа взаимоотношений государства и религиозных объединений, в разработке которой участвовали представители властных структур, вероисповеданий, юристы, политические и общественные деятели. Второй аспект — правовая база — включает в себя законы и иные нормативные акты, регулирующие жизнедеятельность религиозных объединений, права и обязанности верующих, характер взаимоотношений государства и церковных институтов. Третий аспект — организационно-управленческий — связан с анализом действий властных структур, призванных непосредственно реализовывать политику государства в отношении вероисповеданий. В на-

¹ См.: *Шахов М. О.* Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации. М., 2013.

² См.: *Одинцов М. И.* Государственно-церковные отношения в России (на материалах отечественной истории XX века): дис. ... д-ра ист. наук. М., 1996. С. 12–13.

чале XX столетия в России последовательно реализовывались две «модели» государственно-церковных отношений: «монархическая», соответствующая конфессиональному (православному) государству, и «буржуазная» («либеральная») модель, отвечающая идеологии внеконфессионального (светского) государства. С установлением советской власти стала реализовываться третья модель, основанная на принципе отделения церкви от государства и утверждения атеизма в качестве официальной государственной идеологии.

Правотворчество в области осуществления религиозной свободы рассмотрено нами с учетом современных достижений юридической, исторической, политологической и других общественных наук. Поскольку государственно-церковные отношения в значительной мере определяются особым культурно-историческим типом, характерным для того или иного общества, автор использует цивилизационный подход. Под цивилизацией мы понимаем существующую в определенное время и на определенной территории систему, в рамках которой действует социокультурная историческая общность с присущей ей совокупностью политико-экономических, культурных, духовных, в том числе конфессиональных, характеристик. Так, к особенностям цивилизационного развития России могут быть отнесены гетерогенная основа единого народа, поликонфессиональность, приоритетность общественных интересов, определяющая роль государства, особые геополитические и географические факторы и др.

Для любой цивилизации естественны преемственность, социальное наследование всего того, что выработано исторически в ее рамках, а также обмен ценностями, заимствования у других социокультурных общностей общественно-экономических, научно-технических, культурных достижений. Ввиду этого цивилизационный анализ предполагает соотнесение, сопоставление ценностей локальной цивилизации с достоянием других цивилизаций.

Компаративный метод широко используется автором книги. Он позволяет лучше понять отдельно взятое общество, изучая его в сопоставлении с другими, а также выявить общие модели развития. Интерес к компаративистике возрос в европейской науке в 1960–1970-е гг. в связи с ослаблением позиций национально ориентированной истории¹.

Автор опирается в своей работе и на теорию социальной модернизации, которая исходит из возможности стимулируемого и целенаправленного обновления социума, а также отдельных его сторон (экономики, политики, государства, права) в соответствии с опре-

¹ См.: Компаративистика. Сравнительная история // Словарь историка / под ред. Н. Оффенштадта при участии Г. Дюфо и Э. Мазюреля; пер. с фр. Л. А. Пименовой. М., 2011. С. 77–78.

деленным цивилизационным стандартом в направлении от традиционного общества, которому присущи аграрно ориентированная экономика, иерархическая социальная структура, религиозная нетерпимость и др., к современному, или индустриальному, обществу, базирующемуся на ценностях свободного рынка, гражданского общества, правового и светского государства¹. Концептуально оформившаяся после Второй мировой войны теория модернизации уже на протяжении полувека находится в центре внимания сравнительной политологии, широко используется историками, социологами, юристами (И. А. Кравец, А. Ю. Саломатин, А. В. Малько, Е. А. Лукашева, Л. В. Голоскоков и др.). Модернизация в России способствовала ускорению процесса секуляризации, стимулировала постановку на повестку дня вопроса о равноправии религиозных конфессий и расширении веротерпимости, о превращении подданных монарха в граждан государства с комплексом личных прав. При этом, как показывает опыт многих государств и России в особенности модернизация, проводимая без учета всей совокупности исторических особенностей, традиций, культуры народа, неизбежно приводит к нарастанию деструктивных и дезинтеграционных процессов в обществе, системному национальному кризису.

Автор высказывает признательность своим рецензентам, д.ю.н., профессору А. В. Пчелинцеву и д.ю.н., профессору Н. С. Нижник, коллегам — историкам и теоретикам государства и права с кафедры теории и истории права национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», участвовавшим в обсуждении ряда поднятых в книге вопросов, а также сотрудникам архивов: Российского государственного исторического архива (г. Санкт-Петербург), Государственного архива Российской Федерации (г. Москва) — и библиотек: Российской национальной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (г. Санкт-Петербург), Российской государственной библиотеки (г. Москва), Государственной публичной исторической библиотеки (г. Москва), где осуществлялась работа над данной монографией.

¹ См.: Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991; Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., 1994; Модернизация и национальная культура. М., 1995; Пантин В. И. Циклы и волны модернизации как феномен социального развития. М., 1997; Зарубина Н. Н. Социокультурные факторы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации. СПб., 1998; Каспэ С. И. Империя и модернизация: общая модель и российская специфика. М., 2001; Russian modernity: Politics, knowledge, practices / ed. by D. L. Hoffmann, Y. Kotsionis. Basingstoke, 2000.